

Литература

УДК 82-31

Абдуллина А.Ш.

ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. ГЕНАТУЛИНА*

Аннотация: Главным объектом анализа в статье являются стиль, языковое своеобразие и особенности речевой организации произведений А. Генатулина. Манера письма, творческий почерк, ритм, интонация рассказов, повестей и романов отражают личность, судьбу автора и одновременно передают авторское восприятие мира. Адресовано исследователям литературы, учителям-филологам, аспирантам и студентам.

Ключевые слова: стиль, слово, речевая организация произведений.

В прозе А. Генатулина важнейшим предметом изображения становится слово – самые различные и многообразные формы речевой деятельности человека, слово как таковое: «завести себя, настроить на писанину и ловить слова, которые как бы диктовал мне тот, кто умнее и талантливее меня... Слова Чехова были для меня как бы камертоном, и я начинал фразу, порой даже казалось, что ее нашептывает мне сам Чехов, что есть сходство между ним и мной, и это меня не смущало – ведь походить даже чуть-чуть на него – это уже большая удача» [1].

Конкретные формы и способы проявления слова, речевой деятельности человека чрезвычайно многообразны: «от предчувствия слова», «со сладостным предчувствием приближения слова», «но уже не писалось, ослабло и распалось воображение, я не слышал больше слова» [2]. Слово, речь, язык являются важнейшим предметом рассуждений, оценок, пристального внимания автора и героев прозы А. Генатулина. Так, в повести «Переправа» герой-повествователь пишет о силе, выразительности, живописности слова: «А в прозе, в свалке слов,

точек, запятых, двоеточий, кавычек чувствуешь себя ребенком, заблудившимся в подсолнухах» [3], а в романе «Загон» дано подробное описание самого процесса рождения художественного произведения.

Творчество становится для писателя тайной: «мне начинало казаться, что их мне диктует, нашептывает некто умнее и талантливее меня, тогда я шпарил прямо на машинку и не было мне трудно (не знаю, почему писание рассказов считают трудом), напротив, писание казалось неким развлечением, отдыхом от жизни, удовольствием, наслаждением, и иногда думалось, что если напечатать и получу гонорар, наверное, будет казаться, что мне дали его ни за что» [4]. Внимание автора к процессу создания слова, к ее функционированию – все это важно и интересно для автора. Пристальное внимание к слову пронизывает все тексты А. Генатулина.

В прозе А. Генатулина большое внимание уделяется непосредственному восприятию речи разных героев, чужой речи. Прежде всего, это номенклатурная речь, она ярко представлена в рецензиях, литературных опусах: «Рассказы не отвечают идейно-художественным требованиям, которые издательство предъявляет к художественным произведениям... Концентрация подобных деталей в одной повести и дает «перенасыщенный раствор»: слишком много здесь людей, которые несут в себе несимпатичные повествователю черты, слишком выпирает в отдельных сценах намеренное демонстративное стремление снять «романтический покров» с тех или иных обстоятельств фронтовой жизни» [5].

Воссоздание речевых жанров необходимо автору как выражение авторской точки зрения. Не случайно так много места занимают в прозе А. Генатулина пародии на речевые штампы, стереотипы пропаганды

* © Абдуллина А.Ш.

дистских лозунгов: «Освободим столицу от ненужных элементов. Пьяниц, хулиганов, матерщинников вон из столицы!», «Вы все знаете, сейчас нашу столицу мы освобождаем от всякой нечисти, тунеядцев, пьяниц, хулиганов и матерщинников. С заводов, фабрик увольняем прогульчиков и бракоделов. Все это для того, чтобы Москва стала образцовым коммунистическим городом, чтобы в ней жили честные и культурные люди» [6]. Разнообразны примеры такого пародийного слова и в романе «Загон».

Таким образом, обращение к живому разноречию времени позволяет А. Генатулину создать яркий современный язык своих персонажей. Используя живое слово народных анекдотов, поговорок, клишированных выражений, рецензий, критических описаний, писатель отражает риторику современных социальных типов, дает собирательный речевой образ советского человека конца XX века.

Специфику стиля А. Генатулина формирует употребление разговорно-просторечной лексики. В романе «Загон» актуализируется тенденция к сближению литературного языка с живой, народной речью. Основной языковой пласт романа составляет общеупотребительная лексика, на фоне которой выделяется разговорно-просторечная лексика, сочетающаяся с другими лексическими пластами (книжной, официально-деловой, профессиональной) в зависимости от речевой ситуации.

Разговорно-просторечная лексика в произведении писателя представлена следующими подгруппами: постоянно-экспрессивные словоформы, имеющие стилистическую окраску основного номинативного значения (разговорные: *рассесться, выказывать, орать, соорудить, халтурить, ахнуть, шмыгать, осадить*; просторечные: *осклабиться, шибануть, заголосить, шпарить, обалдеть, ляпнуть, попереть, вымахать*; вариативно-экспрессивные: *жрать, буркнуть, приволакивать, прорваться, дергаться, припожаловать, ворчать*; ситуативно-экспрессивные – основное номинативное значение нейтрально, а номинативно-производные значения приобретают стилистическую окраску в контексте: *пыхтеть* (в значении «трудиться, старательно делать что-нибудь»), *заехать* (в значении «ударить кого-нибудь»), *торчать* (в значении «находиться где-нибудь»).

Одним из конструктивных признаков стиля писателя является функционирование в художественной ткани романа различных номинативных моделей, значение которых реализуется в речевом дискурсе: разговорно-просторечные имена существительные, дающие фамильярную или резко отрицательную характеристику действующего лица (*пьянчужка, цаца, алкаш, краля, хмырь, мильтоша, прохиндей, чувиха, падла, гнида, стилиага, ханурик, дерьмо*); обозначающие конкретные предметы (*хлебово, пойло, жижа, месиво, волосня, колымага*); абстрактные понятия или канцеляризмы (*опусы, невнятица, белиберда*); свойства и состояние человека, содержание речи, произведения (*разгильдяйство, жуть, дурасть, туфта*). Таким образом, граница между разговорной и просторечной лексикой достаточно условна и определяется степенью экспрессивности.

Синтаксис просторечия проявляется в прозе писателя в использовании простых фраз, часто нераспространенных предложений, которые, повторяясь через определенные промежутки, способствуют стихотворному оформлению текста и созданию ритма. Признаком разговорного стиля является употребление большого количества неполных, безличных, назывных предложений.

Синтаксис в прозе А. Генатулина представлен глагольными предложениями, свойственными устной речи: «Вспомнил, что задвижку надо закрыть, взялся за маховик, стал крутить. Закрыл. Потом нашел внизу, на обратной трубе, другую задвижку и его закрыл» [7].

Разговорно-просторечные языковые элементы в произведении писателя играют важную роль в воссоздании особенностей народно-разговорного языка, являются средством речевой характеристики персонажей, выражения авторской позиции, передачи отношений между персонажами и экспрессивной оценки действительности, служат основой сближения авторского повествования с речью героев.

В прозе А. Генатулина поразительны ярчайшие сравнения, необычные по силе изобразительного начала: «официантка, полненькая, бело-розовая, в накрахмаленном кокошнике и с бездумным глазастым лицом – как золотая рыбка в таинственном сумраке аквариума»; «вибрирующий гул

города делался еще более плотным и, как угрозный звук апокалипсиса, тревожил, терзал мои нервы»; «исписанная страница казалась холодной и пресной, как зола потухшего костра»; «опав с вечного древа времени, как пожухлый октябрьский лист, сгниет в перегоне людской памяти»; «в батареях двадцати домов замрет теплоноситель, как будто в жилах двадцати жизней остановится горячая кровь».

Эпитеты А. Генатулина раскрывают неожиданную сторону предмета, события или чувства, передавая прежде всего авторское восприятие: «тоскливым сознанием очередной неудачи», «на город находит дождевая хмарь», «сердце опахивало тревожным дуновением счастья», «сонно помаргивала светлыми ресницами одинокая звезда».

Метафора вскрывает то, что автору кажется самым важным для понимания скрытой сути: «неся на своем чисто выбритом вельможном лице счастливую улыбку приласканного редактором живого классика», «и ушел, спускаясь все ниже и ниже в сумрачную долину своей неудачливой жизни», «слегка приоткрыв для меня калитку на унавоженные задворки уфимской писательской жизни».

В произведениях А. Генатулина очень часто встречаются антропоморфные метафоры: «клубы черного дыма встали в поднебесье», «тополь посылал в мое раскрытое к весеннему дню окно свое смолистое дыхание», «ветер гнал по сухому асфальту мертво шуршащие листья кленов», «земля ходит ходуном под ногами», «небо прояснилось и вызвездило, на юге из-за потухших домов вставали стожары». К стилистическим особенностям романа «Загон» можно отнести употребление героем как общеизвестных, так и редко употребляемых поговорок и пословиц.

А. Генатулин постоянно нарушает общепринятые нормы сочетаемости слов, например в своеобразных оксюморонах: «порочно-прекрасного лица», «горькая удовлетворенность», «нормальными неудачами нормальной жизни», «мертвым светом», «веселая злость», «фраза получалась мертворожденной».

В романе «Загон» автор знакомит нас с героем в момент острого нравственного кризиса, в момент, когда столкновение с окружающим миром оказалось для Толи

Гайнуллина невыносимым. Поэтому речь героя проникнута отвращением ко всему, что его окружает, она отрывиста, динамична, напряженна. Динамичность, напряжение передается автором с помощью использования повторов в речи главного персонажа, сквозных повторов, которые как бы пронизывают предложения, придавая особый ритм повествованию. Основная функция повторов – эмоционально-усилительная, придающая выразительность произведению. Поэтому выбор данного стилистического средства не случаен: главным героем является человек, выброшенный на задворки жизни, испытывающий эмоциональный кризис, что выражается в его монологах и размышлениях. Вторая причина обусловлена описанием страшной действительности, от которой хочется скрыться.

Слово «тоска» не раз повторяется в произведениях А. Генатулина, поскольку оно наиболее четко выражает эмоциональное состояние главного героя, ищущего себя, свое «я» в этом ужасном мире, познающего всю его подноготную, нередко не самую лучшую его сторону: «И, конечно, это была тоска, но тоска до сих пор мне не знакома, раздирающая душу, безысходная, убивавшая желание жить и уничтожающая всякую надежду... Чтобы передать эти ощущения, нет слов на человеческом языке... К этой тоске, если бы она была постоянной, как к примеру тоска-грусть, я как-нибудь привык бы, притерпелся бы, но оно, это нестерпимое ощущение в груди, во всем теле, тоска эта, как будто нарастала до предела, делалась невыносимой...» [8].

Болезнь, «пограничное состояние» героя сообщает прозе А. Генатулина некое добавочное качество, ту степень резкости восприятия людей и событий, которая часто бывает накануне тяжелой болезни. Герой смотрит на мир трезво, верно, он видит многое, что скрыто от других привычкой, приспособлением, корыстной зависимостью.

Всеобъемлющее отрицание, осуществляющееся с помощью повторов, пронизывает каждую страницу романа «Загон», встречается в каждой фразе Толи Гайнуллина, герой находится на грани срыва, кризиса, эмоционального и психологического. В повторе чувствуется какая-то безысходность действия, выбора человека, безвыходность его положения в существующем

мире. Повтор слова придает динамичность повествованию, создавая особый ритм, присущий стилю данного автора.

В прозе А. Генатулина встречаются часто повторяющиеся цвета: серый, желтый, черный. Например, в двух предложениях, расположенных друг за другом, цвет черный повторяется несколько раз: «На юноше была черная шинель, а на голове черная фуражка с высокой тульей. Мы знали, что черную форму носят эсэсовцы, хотя ни разу еще не видели эсэсовца в черном мундире» [9].

История Толи Гайнуллина — исповедь человека, который не может изменить мир, а способен лишь с предельной искренностью так увидеть, так показать этот мир, что и читателям передается его отвращение. Лейтмотив романа передается повторами: «отчаянно одиноким», «в тоскливом одиночестве», «маялся в одиночестве».

В своих произведениях А. Генатулин не ограничивается лишь одним видом повторов. Излюбленным его стилистическим средством является сквозной повтор, т.е. повторяющееся слово пронизывает предложение, что способствует повышенной ритмике текста, динамичности звучания: «Тоска находила на меня и раньше, но та была как бы обычная тоска, тоска-печаль, тоска-грусть, она казалась беспричинной, без содержания, но ведь, если попытаться осознать ее, причина, конечно, была, и содержание было» [10].

Прозе А. Генатулина характерны сквозные повторы — использование образов, определений внутри одного или нескольких произведений, как «тоска тошнотной мутой закладывала грудь», «цепенела тоска», «копилась тоска», «в глазах плескалась серая тоска», «в серых глазах цепенела тоска холодной собаки».

Часто встречается в прозе А. Генатулина повтор слова или даже речевого оборота в начале целого ряда самостоятельных предложений — прозаические анафоры, лексические и синтаксические, организуют повествование в романе «Загон». Нередко прием этот выполняет и дополнительную композиционную роль, организуя начало самостоятельных, тематически завершенных абзацев, так, например, выстраивается повествование в романе «Загон»:

«Я вышел в коридор, разжал ладонь — там лежала большая коричневая пугови-

ца...

Я, конечно, мог бы спросить, узнать и у секретарши о судьбе своей рукописи, она то наверняка знает, но что она может сообщить, кроме как: отклонили...

Я стоял у двери» [11].

Таким образом, повтор как стилистическое средство очень распространено в прозе А. Генатулина и используется автором для передачи эмоционального состояния персонажа в критический период его жизни, а также для придания повествованию ритмичности и динамичности.

Повторы, сквозные эпитеты, необычные метафоры — художественный прием, который созвучен главным принципам поэтики А. Генатулина, его отношению к обработке языкового материала. Найденные определения становятся своеобразными словесными формулами и функционируют в качестве своеобразных автореминисценций.

Для А. Генатулина характерна тенденция использования слова в качестве мотивов. Лейтмотивом в романе «Загон» является слово «тоска». Комбинируя слово с другими, часто почти полностью изменяя их лексический состав, но оставляя тот же смысл, А. Генатулин создает особый ритм произведения: «в груди копилась тошнотная тоска», «тоскливым сознанием очередной неудачи», «в глазах плескалась серая тоска», «в минуты тоски и неуверенности».

Графическое выделение слов в романе «Загон» — один из продуктивных способов создания авторской модели художественного мира произведения. Визуальное изменение текста ведет за собой расширение семантического поля слов и способствует поиску дополнительного смысла текстовых единиц.

Писатель графически выделяет слово, желая тем самым подчеркнуть его важность: «Скучная, п р а в и л ь н а я жизнь, какие-то неживые, набитые словесной опилкой события и картонные манекены» [12]. Отдельными штрихами, деталями, сопоставлениями создается образ эпохи закрепощения человека государством, его обезличивания. Несколько раз графически выделенное слово вырастает до значения символа. Одними из ключевых образов в романе «Загон» являются понятия писатель, слово: «Писать я перестал совсем — тот, кто нашептывал мне с л о в о, бросил, оставил

меня» [13]. Углубление и расширение таким образом семантического поля языковой единицы выступает новым оригинальным способом повышения значимости отдельного элемента текста. Подобный прием раздвигает лексические возможности каждого конкретного слова, способствует созданию интонационного рисунка высказывания; служит средством увеличения эмоциональной нагрузки диалогической и монологической речи. Слова, выделенные графически, способствуют акцентированию особенностей мыслительного процесса персонажа, указывают основные вехи этого процесса.

Простота и ясность, краткость и точность, с одной стороны, и стремление к сохранению неподражаемой интонации и выразительности человека из народа, с другой стороны – важнейшие факторы языкового своеобразия и речевой организации произведений А. Генатулина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Генатулин А.Ю. Загон. – Уфа, 2004. – С. 123.
2. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 110,118.
3. Генатулин А.Ю. Гегемон // Бельские просторы. – 2003. – № 9. – С. 68.

4. Генатулин А.Ю. Загон. – Уфа, 2004. – С. 111.
5. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 228.
6. Генатулин А.Ю. Гегемон // Бельские просторы. – 2003. – № 9. – С. 63.
7. Генатулин А.Ю. Загон. – Уфа, 2004. – С. 247.
8. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 258.
9. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 173.
10. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 257.
11. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 160-161.
12. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 150.
13. Генатулин А.Ю. Загон. – С. 230.

A. Abdullina

LANGUAGE PECULIARITY AND SPECIAL FEATURES OF SPEECH ORGANIZATION OF A. GENATULIN'S LITERARY WORKS

Abstract: The main object of the analysis in the article is style, language peculiarity and special features of speech organization of A. Genatulin's literary works. The manner of writing, creative handwriting, rhythm, intonation of short stories, tales and novels reflect the personality, the writer's destiny and at the same time convey the author's perception of the world.

Key words: style, word, speech organization of literary words.

УДК

Баранова К.М.

ИДЕЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЯ И АМЕРИКАНСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ XVII ВЕКА*

Аннотация: В статье рассматривается идея предопределения в качестве ведущего лейтмотива американской словесности XVII века. В ней ставится акцент на самобытность литературы колониального периода преимущественно Новой Англии, носящей религиозный характер. В статье подчеркивается особая роль, которую играла вера пуритан в Божественный промысел, а также стремление колониальных авторов интерпретировать провиденциальность всего происходящего.

Ключевые слова: предопределение, колониист, пуританизм, случайность, лейтмотив.

В силу известных причин американская литература как таковая была сформирована значительно позднее иных национальных литератур. При этом многие исследователи неоднократно подчеркивали, что своими корнями она, безусловно, уходит в европейскую литературу. С одной стороны, это неоспоримый факт, наличие которого признается, прежде всего, самими американскими литературоведами. Так, создатели «Литературной истории Соединенных Штатов» (*“Literary History of the United States”*), монографии, которая в литературных кругах рассматривается как один из наиболее полных и объективных критических анализов творчества писате-

* © Баранова К.М.